

УДК 81'23

МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ТРИЛИНГВА: СМЕШЕНИЕ ЯЗЫКОВ, ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ, ТРАНСЛИНГВИЗМ

Юлия Ефимовна Лещенко

к. филол. н., доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15. naps536@mail.ru

В работе рассматриваются три типа межъязыковых взаимодействий – смешение кодов, переключение кодов, транслингвизм, характеризующие речевую деятельность индивида в ситуации трилингвизма. На материале носителей двух родных (коми-пермяцкого и русского) и одного иностранного (английского) языка осуществляется экспериментальное моделирование межъязыковых взаимодействий в структуре ментального лексикона. Результаты ассоциативных экспериментов (свободный ассоциативный эксперимент и цепочечный ассоциативный эксперимент) со стимулами трех языков демонстрируют существование в трилингвальном лексиконе сложной системы межъязыковых связей, обуславливающих межъязыковые взаимодействия разных типов. Однонаправленные и двунаправленные связи парадигматического и тематического типов обуславливают процессы кодовых переключений; двунаправленные связи синтаксического типа формируют интегрированную зону триязычного лексикона, обеспечивающую транслингвальные процессы в речи трилингвов.

Ключевые слова: межъязыковые взаимодействия; трилингвизм; ментальный лексикон; ассоциативный эксперимент; межъязыковые связи; переключение кодов; транслингвизм.

1. Введение: трилингвизм и межъязыковые взаимодействия

Современная лингвистика определяет трилингвов как индивидов, владеющих (в той или иной степени) тремя языками и способных использовать эти языки в коммуникативных целях [Сеноз 2000; Hoffmann 2001]. Трилингвология (общая теория триязычия/трилингвизма) сформировалась как относительно самостоятельное научное направление, существующее в рамках исследований мультилингвизма, относительно недавно (в конце XX – начале XI вв.); при этом изначально трилингвизм рассматривался как расширенный вариант билингвизма/двухязычия, отличающийся от него лишь количеством известных человеку языков. Однако в последние годы все чаще высказывается мнение о том, что феномен владения индивидом несколькими языками не может быть описан лишь с позиций количественных характеристик: разные языковые системы не просто фиксируются в ментальном лексиконе говорящего, но увязываются в нем сложными отношениями взаимодействия и взаимного влияния [Доценко, Лещенко, Остапенко 2013; Anastassiou, Andreou, Liakou 2017; De Groot 2011; Gil et al. 2021].

С точки зрения психолингвистики межъязыковые взаимодействия понимаются как индивидуальное проявление контакта языков в сознании отдельного говорящего [Jarvis, Pavlenko 2008; Jessner 2008], при этом набор явлений, относимых к случаям взаимодействий языков, может существенно варьировать в работах разных авторов. В данной статье рассматриваются три типа явлений, обуславливающих межъязыковые взаимодействия в трилингвальном лексиконе: смешение кодов, переключение кодов и транслингвизм. Выделение этих явлений имеет своей целью определить, насколько тесно разные языки увязаны между собой в едином ментальном пространстве, какие взаимоотношения существуют между единицами каждого из известных трилингву языков, а также каким образом эти языки оказывают влияние друг на друга. Отметим, что данная типология была разработана для двуязычной ситуации, но вполне может быть применима и для трилингвизма.

Смешение языков представляет собой хаотичную комбинацию элементов разных языковых систем в рамках единого высказывания. Смешение языков свойственно для ситуации естественного билингвизма и возникает на

начальных этапах усвоения ребенком одновременно двух языков. Предполагается, что ребенок, растущий в двуязычной среде, изначально не разграничивает единицы двух языковых систем и поэтому способен свободно сочетать их в едином высказывании. Характерной особенностью смешения языков является то, что говорящий воспринимает оба языка как единую систему, весь репертуар которой может использоваться в любой коммуникативной ситуации для реализации коммуникативных целей [Arnberg 1987; Baker 2014].

Переключение кодов понимается как эксплицитный (явно выраженный лингвистическими средствами) переход от одного языка к другому в рамках единой коммуникативной ситуации [Heredia, Altarriba 2001]. В отличие от языковых смешений, при кодовых переключениях говорящий четко осознает, что используемые им единицы принадлежат разным языковым системам, даже если такое переключение происходит в речи непреднамеренно (является незапланированным и неосознаваемым в момент межязыкового перехода).

Выделяют две основные причины кодовых переключений. Во-первых, мотивом для смены языка может выступать осознанное стремление говорящего соответствовать условиям коммуникативной ситуации (языку адресата, ситуации общения и т. д.). При этом сама возможность свободных кодовых переключений формируется под влиянием того, что в коммуникативной практике индивида преобладает так называемый монолингвальный режим общения (в большинстве случаев индивид использует только один язык в конкретной коммуникативной ситуации или с конкретным адресатом). Во-вторых, кодовые переключения могут иметь компенсаторный характер: говорящий вынужден прибегать к вкраплению в речь на одном языке отдельных единиц или целых высказываний на другом языке, компенсируя таким образом недостаточный уровень владения целевым языком коммуникации (невозможность вспомнить нужное слово или полно выразить свою мысль). Данный тип переключений особенно часто наблюдается в речи на иностранном языке, усвоенном в учебных условиях и характеризующемся невысоким уровнем языковой компетенции.

Транслингвизм представляет собой свободное оперирование говорящим единицами разных языков и способность гибко сочетать их в едином коммуникативном контексте, основанное на отсутствии четких границ между языковыми системами в сознании говорящего [García 2009].

Предполагается, что основой для формирования транслингвизма является привычка осуществлять речевую деятельность преимущественно в билингвальном/мультилингвальном режиме, т. е. пользоваться одновременно двумя или более языками в одной и той же коммуникативной ситуации и с одними и теми же адресатами. Такая коммуникативная практика приводит к повышенной адаптивности языковых репрезентаций в ментальном лексиконе, в результате чего они становятся особенно сильно подвержены взаимному влиянию, частично изменяя при этом свои фонологические/семантические/морфосинтаксические свойства [Otheguy, Garcia, Wallis 2015; Wei 2018].

Отметим, что среди вышеперечисленных явлений только смешение языков четко ограничено конкретными ситуативными и временными рамками и, таким образом, противопоставлено двум остальным. Что касается переключения кодов и транслингвизма, то они не являются взаимоисключающими в речевой деятельности билингвов/трилингвов. Учитывая, что языковая компетенция представляет собой сложную динамическую нелинейную систему, на разных стадиях ее становления и функционирования языки могут одновременно находиться в отношениях разных типов и взаимодействовать по разным основаниям.

2. Материалы и методы исследования

2.1. Характеристика информантов

Целью данного исследования является экспериментальное моделирование межязыковых взаимодействий в трилингвальном ментальном лексиконе, обуславливающих явления кодовых переключений и транслингвизма в речевой деятельности. Исследование проводилось на материале трилингвов – носителей двух родных языков (коми-пермяцкого и русского), изучающих третий язык (английский) в качестве иностранного. Все информанты являются студентами коми-пермяцко-русского отделения Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; всего в исследовании приняли участие 65 чел. в возрасте от 18 до 24 лет. В качестве методов исследования применялись социолингвистическое анкетирование и психолингвистический эксперимент.

На первом этапе исследования с целью выявления языкового опыта информантов было проведено социолингвистическое анкетирование, результаты которого показали, что коми-пермяцкий язык является первым языком наших испытуемых и активно используется в сфере внутрисемейного и дружеского общения; подавляющее большинство определяют его как родной язык.

Средний возраст усвоения русского языка составляет 3–4 года; на момент проведения эксперимента русский язык используется особенно активно, поскольку все информанты обучаются и проживают в г. Перми и поэтому большую часть времени находятся в русскоязычной среде. В то же время обучение в вузе по специальности «Учитель коми-пермяцкого и русского языков» создает специфическую двуязычную учебную ситуацию: часть учебных предметов преподается на коми-пермяцком языке, также он широко используется для общения внутри учебной группы. В целом оба языка обладают высокой функциональной активностью; сами испытуемые отмечают, что используют их примерно с равной частотой.

Английский язык для информантов является целиком и полностью языком учебной ситуации; средний возраст начала обучения английскому языку составил 11–12 лет; судя по результатам тестирований уровень владения английским языком варьирует от уровня A1 (elementary) до A2 (pre-intermediate).

2.2. Психолингвистический эксперимент

Психолингвистическая часть исследования включала в себя проведение двух разновидностей ассоциативного эксперимента: свободного ассоциативного эксперимента со стимулами на трех языках и цепочечного ассоциативного эксперимента со стимулами на трех языках.

Ассоциативный эксперимент является одним из наиболее достоверных методов изучения ментального лексикона индивида, поскольку его применение открывает доступ к индивидуальному сознанию и позволяет моделировать речевые действия и операции, осуществляемые говорящими в ходе коммуникации. Свободный ассоциативный эксперимент с одной реакцией подразумевает продуцирование одной (любой первой приходящей в голову) реакции на заданный стимул, что дает возможность выявить широкий спектр разнотипных и разнонаправленных ассоциативных связей слов в ментальном лексиконе. Цепочечный ассоциативный эксперимент требует продуцирования определенной последовательности (цепочки) реакций на каждый заданный стимул, что позволяет визуализировать отдельные маршруты межсловных переходов, характеризующиеся разной протяженностью и разными вариантами сочетаний элементов внутри цепочки.

Первым был проведен свободный ассоциативный эксперимент с одной реакцией: информантам был предложен список стимулов, включающий в себя 54 высокочастотные лексические

единицы с заданием отреагировать на каждый стимул любым первым пришедшим в голову словом. Эксперимент проводился трижды, отдельно с идентичным списком стимулов на коми-пермяцком, русском и английском языках; языковой код слова-реакции в экспериментальном задании не оговаривался.

Следующим был проведен цепочечный ассоциативный эксперимент: информантам предъявлялся список из 20 высокочастотных лексических единиц с заданием написать на каждый стимул по порядку не менее 6 любых слов, первыми пришедшими в голову. Аналогично эксперименту с одной реакцией, цепочечный эксперимент включал в себя три этапа (отдельно для стимулов на каждом из трех языков); при этом информанты также не были ограничены в выборе языка для продуцирования цепочек реакций.

В результате проведения двух экспериментов было получено более 10 тыс. единичных реакций (Эксперимент 1) и 3 900 цепочек реакций (Эксперимент 2) на разных языках. Для анализа экспериментального материала был применен метод реконструкции межъязыковых взаимодействий по языковой форме ассоциативно-вербальных пар.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Частота и направление межъязыковых связей

В материалах свободного и цепочечного экспериментов было выявлено множество ассоциативно-вербальных пар, основанных на межъязыковом переходе от стимула к реакции (стимул одного языка вызывает реакцию на другом языке), а также ассоциативно-вербальных цепочек, включающих в себя множественные межъязыковые переходы между элементами (за реакцией на одном языке следует реакция на другом языке). Такие реакции / цепочки реакций репрезентируют различные варианты взаимосвязи трех языковых систем в ментальном лексиконе и обуславливают возможность межъязыковых взаимодействий в пределах единой языковой триады (коми-пермяцкий язык + русский язык + английский язык). Таблица 1 демонстрирует частоту актуализации межъязыковых переходов от стимула к реакции / цепочке реакций в двух экспериментах.

Как видим, в разных экспериментах количество межъязыковых переходов существенно различается: в цепочечном эксперименте межъязыковые связи актуализируются в два раза чаще, чем в эксперименте с одной реакцией. В то же время сопоставление числа межъязыковых реакций, полученных на стимулы разных языков в обоих экспериментах демонстрирует общую за-

Лещенко Ю.Е.
МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ТРИЛИНГВА:
СМЕШЕНИЕ КОДОВ, ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ, ТРАНСЛИНГВИЗМ

кономерность: английские стимулы вызывают максимальное количество межъязыковых реакций, коми-пермяцкие стимулы несколько реже влекут за собой межъязыковой переход, тогда как наименее подверженными смене языка реакции оказываются русские стимулы.

Таблица 1

Соотношение межъязыковых и внутриязыковых реакций в эксперименте с одной реакцией (1) и цепочечном эксперименте (2), %

СТИМУЛЫ/ РЕАКЦИИ	ЭКСПЕРИМЕНТ	
	1	2
Коми-пермяцкие стимулы	36,4	75,5
Русские стимулы	11,7	31,0
Английские стимулы	71,9	98,4
Всего межъязыковых реакций в эксперименте	38,6	76,4

Мы полагаем, что такая закономерность обусловлена асимметричностью межъязыковых связей в ментальном лексиконе наших информантов. Судя по всему, русский язык выступает в качестве доминанты языковой триады, притягивая к себе межъязыковые переходы от двух других языков и ограничивая переходы в обратном направлении; границы коми-пермяцкого языка имеют более высокую степень проницаемости, в результате чего его лексические единицы активно формируют межъязыковые связи, направленные как к русскому, так и к английскому языку; английский язык выступает в роли наиболее сла-

бого элемента триады и находится в зависимом положении по отношению к двум другим языкам.

3.2. Типы межъязыковых связей

Рассмотрим подробнее типы межъязыковых переходов, которые были выявлены в результатах проведенных экспериментов.

В ассоциативном эксперименте с одной реакцией межъязыковые переходы актуализируют следующие модели взаимоотношений слов разных языков:

- русский стимул → коми-пермяцкая реакция – *погода* → *умӧлик* ‘плохая’,
- русский стимул → английская реакция – *девочка* → *boy* ‘мальчик’,
- коми-пермяцкий стимул → русская реакция – *мунны* ‘идти’ → *дорога*,
- коми-пермяцкий стимул → английская реакция – *небӧг* ‘книга’ → *interesting* ‘интересная’,
- английский стимул → русская реакция – *time* ‘время’ → *минута*,
- английский стимул → коми-пермяцкая реакция – *тап* ‘мужчина’ → *инька* ‘женщина’.

В ассоциативном эксперименте с цепочкой реакций было выявлено несколько разновидностей межъязыковых цепочек, различающихся количеством межъязыковых переходов. В Таблице 2 представлены примеры цепочек, полученных на идентичное слово-стимул *ёрт* – *друг* – *friend* на коми-пермяцком, русском и английском языках соответственно.

Таблица 2

Типы межъязыковых ассоциативно-вербальных цепочек

Тип цепочки	Пример цепочки
Тип 1: Цепочки с одним межъязыковым переходом от стимула к реакции	к.-п. → рус.: <i>ёрт</i> ‘друг’ → <i>друг, товарищ, опора, поддержка, умный, добрый</i>
	рус. → к.-п.: <i>друг</i> → <i>ёрт</i> ‘друг’, <i>бур</i> ‘хороший’, <i>ёртасьны</i> ‘дружить’, <i>гуляйтны</i> ‘гулять’
	англ. → рус.: <i>friend</i> ‘друг’ → <i>друг, человек, подруга, одноклассник, учиться, вместе</i>
Тип 2: Цепочки с несколькими межъязыковыми переходами между реакциями	к.-п. → рус., к.-п.: <i>ёрт</i> ‘друг’ → <i>дружба, доверие, понимание, съӧлӧмиӧрнӧй</i> ‘любимый’, <i>меддона</i> ‘дорогой’, <i>бур</i> ‘хороший’, <i>good</i> ‘хороший’
	рус. → к.-п., рус.: <i>друг</i> → <i>ёрт</i> ‘друг’, <i>морт</i> ‘человек’, <i>пон</i> ‘собака’, <i>подруга, доверять, делиться</i>
	англ. → рус., к.-п.: <i>friend</i> ‘друг’ → <i>мой, дорогой, хороший, морт</i> ‘человек’, <i>пон</i> ‘собака’
Тип 3: Цепочки с множественными межъязыковыми переходами между реакциями	к.-п. → рус., к.-п., рус., англ., к.-п., рус., к.-п.: <i>ёрт</i> ‘друг’ → <i>друг, бур</i> ‘хороший’, <i>товарищ, boy</i> ‘мальчик’, <i>зонка</i> ‘мальчик’, <i>дружить, пон</i> ‘собака’, <i>гулять</i>
	рус. → к.-п., рус., англ., к.-п., рус., к.-п.: <i>друг</i> → <i>нывка</i> ‘девочка’, <i>маленькая, small</i> ‘маленький’, <i>вон</i> ‘брат’, <i>мой, кага</i> ‘ребенок’, <i>хороший</i>
	англ. → рус., к.-п., англ., к.-п., рус, к.-п.: <i>friend</i> ‘друг’ → <i>друг, ёрт</i> ‘друг’, <i>boy</i> ‘мальчик’, <i>маленький, вон</i> ‘брат’

В цепочках первого типа информанты в ходе выполнения задания осуществляют разовую смену языкового кода, переходя от стимула одного языка к ассоциативной цепочке на другом языке. Ограничение поиска ассоциатов рамками только одного язы-

ка указывает на существование в ментальном лексиконе сильных связей, во-первых, в направлении от языка стимула к языку реакции и, во-вторых, между тематически связанными словами того языка, на котором продуцируется цепочка реакций.

Лещенко Ю.Е.
МЕНТАЛЬНЫЙ ЛЕКСИКОН ТРИЛИНГВА:
СМЕШЕНИЕ КОДОВ, ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ, ТРАНСЛИНГВИЗМ

Продуцируя ассоциативные цепочки второго типа, информанты осуществляют несколько межъязыковых переходов: смена языка происходит как при переходе от стимула к реакции, так и между реакциями внутри ассоциативной цепочки. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев переход между языками внутри ассоциативных цепочек происходит либо на стыке разных тематических полей (например, в цепочке *друг* → *морт* ‘человек’, *зонка* ‘мальчик’, *нывка* ‘девочка’, *любовь*, *доверие*, *понимание* осуществляется переход от тематического поля «человек» к тематическому полю «эмоциональное отношение»), либо на стыке разных частеречных групп слов (например, в цепочке *friend* → *верный*, *дорогой*, *хороший*, *мам* ‘мама’, *сой* ‘сестра’, *вон* ‘брат’ осуществляется переход от группы прилагательных, характеризующих свойства человека к группе существительных, называющих членов семьи).

Появление таких цепочек в материалах эксперимента позволяет сделать вывод о том, что данные ряды слов формируют в ментальном лексиконе наших информантов относительно отграниченные друг от друга подгруппы, связи между элементами которых оказываются более сильными, чем связи со всеми остальными элементами за пределами подгрупп. Формирование подобных подгрупп происходит по нескольким основаниям: на основе общности языкового кода слов, их принадлежности к одному лексико-грамматическому классу и/или к единому тематическому полю/группе (см., например, о роли семантических/тематических полей в ментальном лексиконе [Белоусов, Ерофеева, Лещенко 2018]).

Что касается ассоциативно-вербальных цепочек третьего типа, то для них характерны множественные переходы между языками: смена языкового кода может происходить как между стимулом и реакцией, так и при переходе к каждой последую-

щей реакции в цепочке. Детальный анализ цепочек данного типа указывает на то, что, порождая ассоциативный ряд в экспериментальной ситуации, информанты активно сочетают между собой слова разных языков на основе синтаксической связи, что позволяет рассматривать такие звенья цепочек как межъязыковые словосочетания (например: *друг* → *бур* ‘хороший’; нывка ‘девочка’ → *маленькая*; *зонка* ‘мальчик’ → *дружить*; *пон* ‘собака’ → *гулять* и т. д.).

Учитывая, что подобные межъязыковые пары, объединяющие слова коми-пермяцкого и русского языков, составляют существенную долю от всех реакций как в результатах эксперимента с одной реакцией, так и в результатах цепочечного эксперимента, мы предположили, что в пространстве ментального лексикона наших информантов эти единицы объединяются сильными связями, т. е. достаточно часто активизируются вместе и, возможно, используются в речи как стабильные сочетания.

Для проверки данного предположения среди материалов эксперимента были отобраны наиболее часто повторяющиеся межъязыковые пары стимулов и реакций / двух соседних реакций, объединенные синтаксической связью: 51 пара, образованная по модели «коми-пермяцкое слово + русское слово» (*думайтны* ‘думать’ → *о чём-то*; *гожум* ‘лето’ → *солнечный*; *бур* ‘хороший’ → *друг*; *имейтны* ‘иметь’ → *друзей*) и 30 пар, образованных по модели «русское слово + коми-пермяцкое слово» (*любить* → *ай-мамӧс* ‘маму’; *семья* → *ыджыт* ‘большая’; *идти* → *магазинӧ* ‘в магазин’; *учиться* → *бура* ‘хорошо’). Данные пары слов были предъявлены нашим информантам с заданием ответить на следующие вопросы: 1) «Слышите ли вы эти сочетания в речи окружающих / используете ли их в своей речи?»; 2) «К какому языку относятся данные сочетания слов?». Результаты опроса представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Частота употребления межъязыковых сочетаний в речи и их отнесенность к конкретному языку/языкам, %

Сочетание	Употребление в речи		Язык		
	Слышу	Использую	Коми-перм.	Русский	Оба языка
коми-пермяцкое слово + русское слово	35	37	54	22	24
русское слово + коми-пермяцкое слово	43	21	29	48	23

Как видим, совокупный опыт оперирования межъязыковыми сочетаниями слов в речи является достаточно высоким для обоих типов экспериментальных пар (в целом составляет более 60%). В то же время взятая отдельно частота восприятия

и продуцирования несколько различается для каждой из рассматриваемых моделей: так, сочетание коми-пермяцкого слова с русским словом примерно одинаково частотно как при восприятии, так и при продуцировании, в то время как

сочетание русского слова с коми-пермяцким чаще характерно для восприятия, чем для употребления в собственной речи. Что касается языковой принадлежности межъязыковых сочетаний, то лишь менее четверти опрошенных определили их как относящиеся одновременно к двум языкам; подавляющее большинство информантов склонны идентифицировать их как внутриязыковые сочетания, при этом первое слово подобного сочетания определяет, какому языку (коми-пермяцкому или русскому) оно приписывается.

4. Выводы

Результаты проведенных экспериментов демонстрируют, что в ментальном лексиконе трилингвов – носителей двух родных языков, изучающих третий язык в качестве иностранного, формируются множественные межъязыковые связи, обуславливающие процессы взаимодействия разных языков. Межъязыковые связи имеют асимметричный характер: их сила и направление во многом определяются степенью доминантности языка в лексиконе.

Так, единицы доминантного языка (язык, характеризующийся максимально высоким уровнем владения и активным использованием в речевой деятельности) формируют сильные однонаправленные входящие в систему связи, стимулирующие межъязыковые переходы от единиц субдоминантного/субдоминантных языка/языков и ограничивающие переходы в обратном направлении. Наличие таких связей создает условия для поддержания монолингвального режима общения: говорящий способен легко удерживать речевую деятельность в рамках системы одного языка, не допуская случайных кодовых переключений.

Единицы языка, занимающего подчиненное положение в ментальном лексиконе (язык с самым низким уровнем владения и частотой использования), встраиваются в лексикон при помощи сильных однонаправленных исходящих из системы связей, обуславливающих межъязыковые переходы к единицам доминантного языка (доминантных языков) и ограничивающих переходы в обратном направлении. Связи такого типа существенно затрудняют поддержание монолингвального режима общения: говорящему требуется прикладывать значительные усилия для ограничения речевой деятельности рамками данного языка, при этом высока частота спонтанных переключений компенсаторного типа на доминантный язык (доминантные языки).

Язык, занимающий промежуточное положение в ментальном лексиконе (по уровню владения и частоте использования находящийся между до-

минантным и субдоминантным языками), характеризуется наличием сильных двунаправленных исходяще-входящих связей, которые одновременно обеспечивают как возможность межъязыковых переходов к другим языкам, так и способность говорящего свободно осуществлять речевую деятельность в рамках одной языковой системы, не допуская случайных кодовых переключений.

Очевидно, что именно разветвленная система однонаправленных исходящих и входящих, а также двунаправленных исходяще-входящих связей парадигматического и тематического типов, сформированных в ментальном лексиконе трилингвов, обеспечивает все многообразие процессов кодовых переключений (осознанных и неосознанных, стабильных и компенсаторных) в речевой деятельности.

В то же время, выявленный в ходе эксперимента особый тип межъязыковых связей (синтаксическая связь, объединяющая слова двух разных языков в единое межъязыковое словосочетание) указывает на наличие в ментальном лексиконе наших информантов общей зоны вербальных репрезентаций, интегрирующей в себе единицы двух языков и допускающей их свободное сочетание друг с другом вне зависимости от языкового кода. Существование подобного интегрированного пространства изначально формируется под влиянием языкового инпута (восприятие паттерна «слово одного языка + слово другого языка», часто встречающегося в речи окружающих) и впоследствии приводит к установлению стабильных межъязыковых связей данного типа, которые прочно закрепляются в лексиконе и активно используются в речи. Судя по всему, именно интегрированная зона ментального лексикона обеспечивает явление транслингвизма в речевой деятельности трилингвов, проявляющееся в свободном комбинировании единиц разных языков в едином коммуникативном контексте.

Таким образом, в ментальном лексиконе триязычных говорящих структуры, обеспечивающие процессы кодовых переключений и транслингвальной речи, существуют параллельно, не являясь при этом изоморфными: в разных коммуникативных контекстах трилингв может активировать те или иные межъязыковые связи, чередуя переключение и комбинацию языковых кодов в зависимости от условий коммуникативной ситуации.

Список литературы

Белоусов К.И., Ерофеева Е.В., Лещенко Ю.Е. Полевой принцип организации ментального лексикона и сценарии активации полей // Вопросы психолингвистики. 2018. № 1(35). С. 39–53.

- Доценко Т.И., Лещенко Ю.Е., Остапенко Т.С.* Кодовые переключения как межъязыковые взаимодействия в ситуации комбинированного билингвизма (на фоне становления профессиональной лингвистической компетенции) // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2(18). С. 78–89.
- Anastassiou F., Andreou G., Liakou M.* Third Language Learning, Trilingualism and Multilingualism: A Review // European Journal of English Language, Linguistics and Literature. 2017. V. 4(1). P. 60–73.
- Arnberg L.* Raising Children Bilingually: The Preschool Years. Clevedon: Multilingual Matters, 1987. P. 168.
- Baker C.* Parent's and Teacher's Guide to Bilingualism. Clevedon: Multilingual Matters, 2014. P. 288.
- Cenoz J.* Research on Multilingual Acquisition // English in Europe: The Acquisition of a Third Language / J Cenoz, U. Jessner (eds.). Clevedon: Multilingual Matters, 2000. P. 39–53.
- De Groot A.* Language and Cognition in Bilinguals and Multilinguals: An Introduction. New York, NY: Psychology Press, 2011. 514 p.
- García O.* Education, Multilingualism and Translanguaging in the 21st Century // Social Justice through Multilingual Education / T. Skutnabb-Kangas, R. Phillipson, A.K. Mohanty, M. Panda (eds.). Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2009. P. 140–158.
- Gil L. et al.* Active Bi- and Trilingualism and its Influencing Factors / L. Gil, N. Müller, N. Sette, M. Hüppop // International Multilingual Research Journal. 2021. V. 15(1). P. 1–22.
- Heredia R., Altarriba J.* Bilingual Language Mixing: Why Do Bilinguals Code-Switch? // Current Directions in Psychological Science. 2001. V. 10. P. 164–168.
- Hoffmann C.* Towards a Description of Trilingual Competence // International Journal of Bilingualism. 2001. V. 5(1). P. 1–17.
- Jarvis S., Pavlenko A.* Crosslinguistic Influence in Language and Cognition. New York: Routledge, 2008. 287 p.
- Jessner U.* Teaching Third Languages: Findings, Trends and Challenges // Language teaching. 2008. V. 41(1). P. 15–56.
- Otheguy R., García O., Wallis R.* Clarifying Translanguaging and Deconstructing Named Languages: A Perspective from Linguistics // Applied Linguistics Review. 2015. V. 6. P. 281–308.
- Wei L.* Translanguaging as a Practical Theory of Language // Applied Linguistics, 2018. V. 39(1). P. 9–30.

**TRILINGUAL MENTAL LEXICON:
CODE MIXING, CODE SWITCHING, TRANSLINGUALISM**

Yuliya E. Leshchenko
Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department
Perm State University

The paper discusses three types of cross-lingual interactions – code-mixing, code-switching and translanguaging – characteristic for trilingual speech. A case study of the speakers of two native (Komi-Permyak and Russian) and one foreign (English) languages presents experimental modeling of cross-lingual interactions in mental lexicon. The results of associative tests (a free associative test and a chain associative test) with stimuli in the three languages demonstrate the existence of a complex system of cross-lingual links in trilingual mental lexicon; these links determine cross-lingual interactions of various types. Unidirectional and bidirectional paradigmatic and thematic links stipulate code-switching processes, while bidirectional syntagmatic links form the integrated zone of trilingual lexicon which determines translanguaging processes in trilingual speech.

Keywords: cross-lingual interactions; trilingualism; mental lexicon; associative test; cross-lingual links; code-switching; translanguaging.